

ПОСТУРБАНИЗМ, СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ, ИСКУССТВО: ИМАЖИНАЛЬНО- ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Д. Н. Замятин *

Аннотация: В статье в имагинально-онтологическом контексте исследуются понятия постгорода и постгородских исследований. Предлагаются базовые онтологические модели воображения большого города модерна, описывающие его радикальные пространственные трансформации. Вводится понятие сопространственности, определяющее перспективы феноменологических исследований постгородских реальностей. Выявляется значимость современного искусства в становлении постурбанизма.

Ключевые слова: постурбанизм, онтология, воображение, модерн, сопространственность, современное искусство, городская среда, пограничность, имагинально-онтологический поворот.

ПОСТГОРОД: ВВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТ

ПОСТГОРОД — понятие и образ, столь пока неуловимые, сколь и синкретичные. Анализ этого понятия связан, в первую очередь, с безусловной на данный момент онтологической апофатикой, сложным и всеобъемлющим отрицанием экстенсивных методологических подходов, призванных «нагнетать» чаще всего динамику количественных параметров и привлекать всё новые и новые «точки зрения» для изучения переходных урбанистических процессов (Soja 1989, 1996, 2000, 2010; Scott, Soja 1996; Burdett, Sudjic 2008; Bridge, Watson 2011; Соля 2007;

---

* Замятин Дмитрий Николаевич — доктор культурологии, Высшая школа урбанистики НИУ «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник. 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 13, стр. 4, Tel.: 8-905-564-70-98, e-mail: metageogr@mail.ru.

2008; Thrift 1996; Pile, Thrift 2000; Amin et al. 2000; Amin, Thrift 2002; Thrift 2007; Harvey 1989; 1985; Колхас 2013; 2015). Не отрицая по существу полезности и прикладной эффективности анализов нарастающих старых и вновь возникающих новых городских активностей и способов деятельности, быстрого увеличения разнообразия урбанистических пространств, стоит сосредоточиться, попробовать исследовать в первом приближении очевидные онтологические трансформации самого понятия «город», а следовательно, и самого городского бытия, становящегося в своих фронтирных проявлениях уже постгородским.

Я — пока вполне осознанно — не буду пытаться дать свое, более или менее точное определение понятия постгорода, понимая, что в когнитивной переходной ситуации, характеризующейся, с одной стороны, обилием всё умножающихся данных постоянно растущей в геометрической прогрессии урбанистической информации, вновь разрабатываемых прикладных моделей городской среды и городского пространства, и, с другой стороны — эклектическим смешением всевозможных методологических конструкций (технократических, марксистских и постмарксистских, политэкономо-, культуро- и социоцентричных и т. д.), призванных объяснить и интерпретировать кардинальные качественные изменения в развитии урбанизма и урбанизации, — вряд ли стоит стараться сразу описывать и характеризовать *феномен постгорода*. Моя задача на первом этапе исследования — выявить уже «неработающие» традиционные признаки города и городского пространства, по крайней мере так, как они приблизительно понимались в течение Нового времени, и одновременно попытаться изучить те как бы невидимые и неясные поначалу явления, «знаки» в меняющемся городском пространстве, сигнализирующие о каком-то принципиально другом в онтологическом плане пространстве*, которое пока «не нашло» своего точного названия и вынужденно обозначено как постгородское. Естественно указать здесь, что я по мере сил буду придерживаться своего методологического

---

* Soft City, сетевой город, Сим-Сити, умный город (Smart City), фрактальный город, телескопический город и т. д.

подхода, базирующегося одновременно на примате онтологического и имагинального взглядов на реальность урбанистических процессов (анализ онтологических моделей воображения) (Замятин 2011а; 2011б; 2012; 2014).

Одной из аксиом такого подхода я считаю цельность, целостность, недвойственность урбанистической реальности, в которой именно сознание в бесконечном диалоге с бессознательным порождает те или иные онтологии города, репрезентируемые специфическими способами воображения. Иначе говоря, то, что в марксистской и парамарксистской идеологии принято рассматривать как некую первичную материальную базу, порождающую соответствующие типы сознания («производительные силы», технологии и т. д.), в моей оптике отнюдь не является онтологически «первичным»: эта проблематика принципиально снимается — и сменяется попыткой осознать мышление и бытие города как целостный и уникальный опыт имагинально-онтологического проживания и переживания городского пространства, постоянного воссоздания его «телесности» во всевозможных и разнообразных феноменах. Соответственно, второй аксиомой моего подхода к исследованию урбанистической реальности можно считать безусловный когнитивный приоритет *сопространственности* (Бурдые 2005; Делез, Гваттари 2010; Gregory 1994; Thrift et al. 2012; Rugg, Martin 2012; Lee et al. 2014; Richardson 2015; Ло 2006), рассматриваемой далее как один из важнейших имагинально-онтологических признаков постгорода и постурбанизма. Именно сопространственность, как я попытаюсь показать ниже, «гарантирует» своего рода онтологическую и имагинальную слитность, нераздельность, единство, недвойственность постсовременного урбанистического опыта, порождая в то же время ряд серьезных познавательных проблем, связанных с несомненной множественностью, фрагментарностью, заведомой неполнотой всякой постурбанистической сопространственности. На мой взгляд, эта сопространственная противоречивость и формирует в основном главную методологическую проблематику постгородской событийности.

ПОНЯТИЕ ГОРОДА: ТРАДИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА И УРБАНИСТИЧЕСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ

Понимая, что этимология русского слова «город» оказывает некоторое лингвистически-онтологическое «давление» на содержательный спектр его семантических интерпретаций, постараемся в первую очередь очертить те очевидные характеристики и параметры города древнего, средневекового, города эпохи Возрождения, Нового времени (модерна), иногда совпадающие между собой, но с течением времени всё более различающиеся и расходящиеся. Здесь обнаруживаются как некие субстанциальные качества огороженность, четкая выделенность из окружающего пространства, защищенность, центральность («центровость»), скученность (уплотненность, концентрированность), сегрегированность, социальная, политическая и экономическая сегментированность, пространственность как деятельностно насыщенная размещенность чего или кого-либо, событийная динамичность и интенсивность. Наряду с пониманием того, что ряд урбанистических характеристик мог в зависимости от исторической эпохи то усиливаться, то ослабляться (например, конец античности и раннее Средневековье), можно обобщенно проследить, во-первых, рост, а затем убывание и постепенное исчезание значимости первоначально онтологически одной из наиболее важных характеристик города (огороженность, защищенность в физическом плане); во-вторых, очевидное неуклонное наращивание с периодическими временными отступлениями самой интенсивности урбанистической деятельности — экономической, политической, социальной, культурной — проявляющейся феноменологически в постоянных трансформациях городской среды и городского пространства (Soja 1996; Amin, Thrift 2002; Кук 2002). Многократно описанная классиками урбанизма значимость города и городской среды в развитии человечества и его социокультурной деятельности естественным образом была семантически центрирована на понятии городского пространства. Вместе с тем когнитивно понятая и интерпретированная ситуация «тотального нагнетания» урбанистического экстенсива (технологического, экономического, культурного, социального) и в меньшей степени урбанистического интенсива

(принципиального изменения качества социальных отношений в быстро меняющейся городской среде, онтологической значимости самого городского пространства для человеческих сообществ и отдельных людей) до настоящего времени остается пока слабо фундированной с точки зрения осознания имажинально-онтологического перехода к совершенно иным способам урбанистической событийности — к тому, что я называю в первом приближении *постгородской сопостранственностью*.

ВЕЛИКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ГОРОДСКИЕ ОНТОЛОГИИ И ГЕНЕЗИС ПОСТГОРОДСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ

На мой взгляд, существенные качественные изменения в понимании того, что более или менее автоматически, «по молчаливому соглашению» называется городским пространством (в данном случае я говорю об онтологии «обобщенного» западного города), происходят приблизительно во второй половине — последней четверти XVIII в., когда в первую очередь наиболее крупные столичные европейские города — Лондон и Париж (Лондон несколько раньше) — начинают «демонстрировать», репрезентировать серьезные качественные трансформации своего пространства, связанные не только с начинающейся индустриальной революцией и видимым ускорением демографического роста больших городов (Сеннет 2002; Sennett 1993). Можно назвать эти процессы первичным этапом развития социального отчуждения и дистанцирования в условиях уже практической невозможности сплошного или близкого к сплошному социального и / или политического контроля над городским пространством, или же, следуя Р.Сеннету, началом упадка публичных городских пространств. Однако здесь важно указать, что начинает принципиально меняться, поначалу незаметно, сама онтология воображения города: город постепенно становится не просто социально более сложным, разнообразным, более социально и культурно масштабным пространством, нежели сельская местность, сельская округа, аристократическая усадьба или даже провинциальный городок с почти сельским образом жизни, но, по сути, *другой пространственностью* (Фуко 2006), в рамках которой становятся и развиваются совершенно иные онтологические модели вооб-

ражения. Хороший пример этому — книга Л. С. Мерсье «Картины Парижа», где многочисленные, очень живые и социологически заостренные «физиологические» опыты описания городской действительности фиксируют довольно парадоксальную ситуацию: предреволюционный Париж представляет собой внешне хаотическое онтологическое поле дискурсивных воображений, мало связанных или никак не связанных между собой, не контролируемое более полностью — формально или содержательно — теми или иными источниками политической и социальной легитимации (королевская власть, власть церкви, отдельных крупных сеньоров и т. д.) (Мерсье 1995). Характерно, что практически такая же картина как нарративный фон в имагинально-онтологическом плане воспроизводится и воссоздается, например, в книге П. Зюскинда «Парфюмер», написанной более чем через два столетия, в конце XX в. (Зюскинд 2004). Иначе говоря, город теперь (хотя сам автор «Картин Парижа» мог об этом и не догадываться) становится феноменологическим опытом пространственности, не вытекающей прямо из некоторой «эволюционной» истории развития города и городского образа жизни, имеющего непосредственным генезисом сельские поселения и возникающий спонтанно синойкизм — хотя бы даже эти исторические события, растянувшиеся на тысячелетия первоначальной человеческой истории, назывались «урбанистической революцией»*. Городское пространство перестает быть городским пространством в традиционном понимании, разбиваясь, разделяясь скорее на многочисленные «фрактальные» сосуществующие пространственности, постоянно актуализируемые локально-ситуативными событиями, которые могут интерпретироваться опять-таки и онтологически, и семантически достаточно разнообразно.

Видимая интенсификация городской среды, бурно протекающая на протяжении XIX–XX вв., связанная, конечно, с рядом

---

* Хотя Э. Соджа выделяет три урбанистические революции (Soja 2000: 19–95), в контексте настоящего исследования важно подчеркнуть фундаментальное онтологическое единство радикальной трансформации в организации освоенного человеческого пространства, «растянувшейся» на несколько тысячелетий.

технологических революций, имела и имеет до сих пор в связи с генезисом постгородской феноменологии существенные онтологические последствия, одним из которых является амбивалентная сопостранственность зон видимости и невидимости. Городское воображение, с одной стороны, моделируется как постоянная локализация в пространстве скученности и анонимной толпы, воспроизводство ранее почти невозможного одиночества среди множествадвигающихся, толкущихся, идущих, бегущих, едущих людей, незнакомых друг с другом и вступающих в случайные эфемерные взаимодействия,— здесь уже стали классикой отсылки к «Человеку толпы» Э. По и явлению фланерства, описанного Ш. Бодлером и по-новому осмысленного посредством неортодоксальной марксистской оптики уже в XX в. В. Беньямином (*По* 1970: 278–285; *Бодлер* 1993; *Беньямин* 2000; 2004); с другой стороны, именно на фоне всё ускоряющегося, нарастающего, расширяющегося образа мобильности, подвижности *modus'a vivendi* в пространстве большого города, метрополиса (*Simmel* 1972; *Зиммель* 2002; *Урри* 2012а; *Урри* 2012б), сопровождаемого тем, что получило название «потока сознания» — в первую очередь, благодаря произведениям Дж. Джойса и М. Пруста, возникает и развивается феномен парасакральных «эпифаний», своего рода озарений, настигающих время от времени жителей и обитателей метрополисов в условиях тотальной профанизации повседневности большого города (здесь пионером революционных урбанистических онтологий фактически стал Ф. М. Достоевский с его «петербургскими» романами, далее очевидны ментальные вклады Дж. Джойса с его ранними «Эпифаниями» и А. Белого в цикле романов и повестей). По сути дела, речь идет об имагинально-онтологическом переходе в понимании специфики городского пространства, связанном в том числе и с нарастающим дефицитом традиционной сакральности и социокультурным упадком центральных мест традиционного религиозного откровения, приуроченных к большим и / или столичным городам: возникает проблематика пространств и мест сокровения, репрезентируемая и как историческое возрождение «гения места» (характерно при этом, что возрождение культа гения места происходит в больших городах, хотя сам этот древний специфический и переосмысленный в рамках

модерна культ мог быть во многом ориентирован и на негородские локусы: усадьбы, сельская местность) (Замятин, Замятина 2007: 62–87; Замятин 2013: 154–165, см. там же основную библиографию по теме).

ИМАЖИНАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
БОЛЬШОГО ГОРОДА ЗРЕЛОГО МОДЕРНА:
К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ТОТАЛЬНОЙ ДИСКОММУНИКАЦИИ

Итак, экзистенциальное пространство большого города в эпоху зрелого модерна теряет главное субстанциальное качество, так или иначе присутствовавшее в городах предыдущих исторических эпох, — *огороженность*, которая была не только физическим, но и метафизическим признаком «настоящего» города. Если раньше город был четко выделенным пространством-локусом, чьи огороженность и защищенность были амбивалентными характеристиками, «работавшими» в онтологическом плане и вовне, и вовнутрь, то теперь город-метрополис фактически становится открытым имажинально-онтологическим пространством, в рамках которого «по-гегелевски» репрезентируется и постоянно воспроизводится всеобщее взаимопроникновение социокультурных границ (Шорске 2001), пространство большого города становится само по себе тотальной пограничностью, которая наряду с этим фиксируется и как онтологический фронт. Ясно, что такие образы, как «город-спрут», «город-паук», активно продуцируемые для художественных описаний подобных пространств (Верхарн 2002), фиксируют ситуацию гиператтрактивной социальной структуры, несколько позднее трансформировавшейся в образ города-машины (Mumford 1970), прямо коррелировавшего с описаниями ускоренной и весьма противоречивой массовой городской индустриализации. По сути дела, уже к концу XIX в. можно говорить о возникновении города-фронтiera как синонима метрополиса, главным онтологическим вектором которого является всеобщая притягательная пространственная открытость, в рамках которой формируется дискурсивный «пучок» амбивалентных образов. Большой город рассматривается теперь не как «логично следующее» или «логично вытекающее» из образа сельской местности или окружающего

пространства усложнение пространства, его резкая социокультурная и политическая трансформация, но как некий онтологический разрыв в понимании пространства, как бы не предполагающий очевидного онтологического генезиса, несмотря на наличие очевидных внешних причин очередной «урбанистической революции» (прежде всего технологического «взрыва», индустриальной революции и очевидной, хотя и замедленной трансформации политико-управленческих структур).

Я полагаю, что онтологическое «исчезновение» своего рода полисности как субстанциального качества большого города зрелого модерна, несмотря на увеличивавшуюся внешне гипертрофию «старых» политических, экономических, социальных функций города, свидетельствовавшую в пользу продолжавшегося экстенсивного усиления урбанистического пространства как «центрального места», вело, так или иначе, писателей, художников, философов и ученых к пониманию современного большого города как онтологически «расплывающегося» пространства фрагментарностей, имагинально-онтологической «амебы», перестраивающей и перманентно изменяющей свои очертания в зависимости от не всегда ясных и понятных феноменологических «конstellаций». Неслучайно начиная с конца XVIII в. в связи с этими процессами возникает и проблема урбанистического культурного наследия — прежде всего в рамках серьезных архитектурно-планировочных пертурбаций, охватывающих постепенно в течение XIX в. практически все крупнейшие европейские города и получивших позднее, в силу известного парижского прецедента, характерное название «османизации» (*Zitme* 1993; *Frisby* 2001; *Фрисби* 2008: 54–80). Несмотря опять-таки на наличие вполне очевидных и неоднократно описанных причин радикальных перепланировок, «постигших» большие города во второй половине XIX — начале XX в. (Россию этот процесс в еще более радикальных формах советской индустриализации и модернизации глубоко охватил в основном несколько позже), можно говорить также и о имагинально-онтологических основаниях подобной пространственно-урбанистической модернизации: большой город становится, с одной стороны, пространством всё более расширяющейся, подвижной, тотальной анонимности, требующей для своих феноменологических манифестаций совершенно

иных архитектурно-планировочных решений; с другой стороны, сам архитектурный пейзаж формируется теперь как «гладко-безличное» универсальное коммуникативное пространство, обеспечивающее прежде всего технологически понятное и «прозрачное» управление потоками политических, социальных, экономических, транспортных, финансовых решений и практик, несмотря даже на недолгую «визуальную победу» стиля модерн с его неортодоксальными декоративными модуляциями — скорее, прикрывавшего явное поражение традиционной «тесной», как бы самоорганизовывавшейся веками органики архитектурно-планировочных форм европейского позднего Средневековья и раннего модерна (Лоос 1972; Augé 1995; Колхас 2015).

Уже упоминавшиеся выше принципиальные изменения в городской подвижности и мобильности, следующие в «видимом» русле воображения нового большого города как пространства всё возрастающих ускоренными темпами анонимных коммуникативных потоков, сопровождаемые транспортно-технологическими революциями (железная дорога, автомобиль, электрификация, авиация, в первую очередь) (Урри 2012а; Урри 2012б; Cresswell 2006; Cresswell 2010а: 17–31; Cresswell 2010б: 550–558; Cresswell 2011: 645–653), с точки зрения имагинально-онтологического моделирования означают первоначально осознаваемое ментальное расхождение двух сосуществующих потоков: первого, физически репрезентируемого постоянным нагнетанием количественных показателей интенсивности передвижения и нагнетания скорости, казалось бы, «съедающей» проблему расстояния в городе; и второго (его можно, пока условно, назвать метафизическим, хотя он также имеет дело с урбанистической телесностью) потока — невидимого внешне нарастающего локального запустения большого города и расширения дискommункативных пространств и практик, соседствующих как друг с другом, так и с визуально наличествующими пространствами оперативных коммуникативных ситуаций внешнего физического слоя. В качестве некоей временной связующей фигуры-образа — как реальной, так и риторической — можно рассматривать здесь фланера, который является в известном смысле последней экзистенциальной надеждой, противоречивой «точкой схода» совершенно различных онтологий городских

коммуникативных пространств в эпоху раннего капитализма (Беньямин 2000: 153–228; Беньямин 2004: 47–235; Тарасов 1999; McDonough, 2002; de Серто 2013: 185–211). По сути дела, пространство большого города, метрополиса зрелого модерна оказывается прежде всего апофатической негативизацией / негацией разрастающегося и расширяющегося движения, как бы отрицающего самого себя в нарастающей параллельно феноменологии тотально-локальной дисконммуникации.

В сущности, именно в рамках онтологического воображения метрополиса зрелого модерна возникает проблема содержательной экзистенциальной *ничтожности* городского пространства (Сартр 2015: 303–304, 310–312; Soja 1989: 131–132). Внешний антураж всё возрастающей городской подвижности, сопровождаемый также увеличением как физических, так и психологических взаимодействий и столкновений (Thrift 2004: 582–604), репрезентируемый, очевидно, и нарастанием избыточной визуальности, как бы противостоит одновременному нарастанию внутренних «метафизических» серых зон невидимости, не-визуальности — своего рода параллельного «темного» потока скрытой экзистенциальности, или «черного ящика» внутренних экзистенциальных событий, чей дискурс практически не проникает на «поверхность» интенсивной урбанистической жизни. Следует отметить, что подобные радикальные онтологические трансформации урбанистического развития являются, по всей видимости, органической частью «взрыва» пространственных представлений (представлений о пространстве), происходивших в западной культуре в конце XIX — начале XX в., который я считаю одной из когнитивных вех процесса *геоспациализма*, т. е. нарастания значимости и важности пространственного воображения в онтологии западных сообществ (Андерсон 2011; Warf, Arias 2009; Замятин 2011а: 21–28). Феномен «пространственного переворота» в эту эпоху, естественно, лучше всего репрезентирован в литературе, искусстве, науке, архитектуре — в произведениях Джойса, Белого, Пикассо, Татлина, Малевича, Эйнштейна, Сант-Элиа и других творцов новых пространственных образов, чья деятельность была связана преимущественно именно с большими городами.

ТЕЛЕСНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ И ЭКСПАНСИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ СРЕД

Экспансия тела, тело-вне-себя, телесность-как-пространственность, своего рода растворение тела в пространстве посредством интенсивных нарастающих движений и всё возрастающих скоростей передвижения — вот те ключевые дискурсы, с помощью которых можно описать одновременно и онтологическую специфику «пространственного поворота» конца XIX — начала XX в., и кардинальные имагинативно-онтологические трансформации пространства больших городов (*Ямпольский 2000*). Характерно, что эти тенденции проявляются прежде всего как многочисленные феноменологические попытки — как в сфере архитектуры, изобразительных искусств (здесь очевидно возрастает роль документальной и художественной урбанистической фотографии, а также возникают предпосылки ускоренного развития образов города в раннем кино) и литературы, так и в области философии и науки — схематизации, структуризации, картографирования, геометризации вновь возникающих и каталогизируемых теми или иными когнитивными способами урбанизированных и урбанистических образов телесностей или же, наоборот, «отелесненных» образов динамичных и экспансивных городских сред (*Левашов 2014; Krause, Petro 2003; Webber, Wilson 2008; Koeck, Roberts 2010; Richardson 2015; Маккуайр 2014*). Быстрая визуальная геометризация форм и образов типичной городской планировки и застройки — как в горизонтальном, так и в вертикальном срезе, имеющая очевидные параллели в новейших художественных течениях этой эпохи (кубизм, русский кубофутуризм, лучизм, супрематизм и т. д.), всего за два-три десятилетия сформировала интегральные визуальные урбанистические каноны (прежде всего в рамках конструктивизма и стиля Баухауса), определившие, по сути, онтологическое ядро позднего западного модерна и фактически начальных стадий постмодерна. Существенно также отметить, что эти эпохальные визуальные трансформации городских пространств сопровождалась и не менее радикальной сменой урбанистических звуковых ландшафтов — как шумовых, повседневных, так и музыкальных, обусловленных революционными новациями

Стравинского, Венской школы Шёнберга и далее несколькими поколениями западных и российских композиторов.

**Постгород и сопространственность:
РАЗВИТИЕ ПОГРАНИЧНЫХ ОНТОЛОГИЙ ВООБРАЖЕНИЯ**

Суммируя очерченные выше в самом первом приближении положения, сконцентрируем еще раз наше внимание на когнитивном соотношении и взаимодействии понятий «постгород» и «сопространственность». На мой взгляд, явление сопространственности / сопространственностей можно рассматривать как ключевое, основополагающее с имажинально-онтологической точки зрения при анализе понятия постгорода / постметрополиса. В то же время именно динамичное развитие больших городов зрелого и позднего модерна обусловило возникновение и развитие феномена сопространственности. Несмотря на безусловно существенную, значимую важность таких факторов развития и разрастания больших городов эпохи позднего модерна, как индустриальная революция и ее социально-экономические и архитектурно-планировочные последствия, несколько технологических революций, изменивших визуальный, звуковой и тактильный облик урбанистических сред, не они сами по себе — по отдельности или вместе — определили и до сих пор определяют радикальный характер онтологических изменений в воображении (пост)городских пространств. Тем не менее можно констатировать здесь кумулятивный эффект, приведший, так или иначе, первоначально к смещению имажинально-онтологического «фокуса» основных западных дискурсов в сторону до того традиционно вторичной по отношению к временности — пространственности (это происходит, по крайней мере в основных своих репрезентациях, в больших городах), а затем и к постепенной онтологической переориентации, репрезентирующей саму себя уже в тех или иных феноменологиях сопространственностей (например, возникновение в середине XX в. *хэппенинга* в рамках современного искусства (Sandford 1995; Rugg, Martin 2012; Маккуайр 2014; Эштон 2017; Костелянец 2015) или же позднее, к концу XX в., — развитие *флешмоба*, феноменологически соединяющего, по сути, физические и виртуальные простран-

ственности и синтезирующего их в некие гибридные соппространственности). Физические репрезентации урбанистических сред становятся, с одной стороны, некими «игрушками» или «приманками», манифестирующими социокультурную и коммуникативную притягательность мегаполисов, с другой стороны, они же сигнализируют, как правило, о метавизуальной пустоте, дисконммукации и формировании мощных онтологических зон «невидимости», в рамках которых могут возникать параллельные сосуществующие коммуникативные потоки, границы, узлы и места. *Постурбанистика*, по всей видимости, должна оперировать по преимуществу именно пограничными понятиями и концептами, описывающими и характеризующими пограничные миры соппространственностей, лишь «зацепляемых», но не раскрываемых глубоко теми или иными доминирующими визуальными, звуковыми и вербальными аффектами физических реальностей мегаполисов.

ПРОЦЕССЫ «НОВОЙ САКРАЛИЗАЦИИ» ИСКУССТВА В ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Сакрализация телесности, понимаемой также и как те или иные дискурсы пространственного расширения и преобразования, в рамках практически всех известных архаических и традиционных религий обуславливала с известным хронологическим лагом, вплоть до позднего модерна — будь то специфические ритуалы, священные тексты, мифология и ее визуальные репрезентации, храмовые сооружения, интерьер и экстерьер храмов, архитектурно-планировочные схемы, присущие специфическим религиозным традициям, несомненно, на наш взгляд, влияла и до сих пор оказывает косвенное влияние на попытки искусства постмодерна в ситуации массовой профанизации большинства художественных практик и очевидного идеологического и онтологического упадка традиционных религиозных ментальностей. Так, совершенно «прозрачна» связь некоторых проектов *science art*, ориентированных на целенаправленные трансформации образов традиционной телесности, с ритуально-сакральными процедурами традиционных религиозных комплексов, хотя уже внешне «традиционная» постфигуративная живопись

Фрэнсиса Бэкона наглядно демонстрирует возможности брутально понятой сакрализации деформированных тел, чьи образы принципиально меняют и саму оптику опространствления. Трактовки современных музеев и современных музейных пространств как «храмов», «храмовых пространств» или же параллельных религиозных пространств призваны, с одной стороны, идеологически обеспечить, обосновать процессы «новой сакрализации» искусства, которое, по сути, вынуждено замещать самим собой онтологически «опустевшие» дискурсы большинства традиционных религий; с другой стороны, подобные интерпретации оказываются источником параллельных процессов онтологической автономизации отдельных художников и их произведений, посредством которых профанно-пространственный статус искусства постмодерна утверждается как онтический дискурс земной жизни, фиксирующей себя теми или иными опытами художественных пространственных расширений и трансформаций.

НОМО SPATIALIS: ХУДОЖНИК И КАРТОГРАФИИ МЕТАТЕЛЕСНОГО ОПЫТА В КОНТЕКСТЕ ПОСТУРБАНИЗМА

Ясно, что поздний модерн, быстро развивавшийся как технологически, так и идеологически, прежде всего за счет и в форме всё новых и новых опытов пространственности, физических (нагнетание скоростей передвижения, рождение авиации, получение новых пространственных транспозиций, непосредственно реализующих «картографическое» видение и космическое панорамирование и т. д.) и метафизических, трансгеографических, транскосмологических и транстеологических («русский космизм», особенно Николай Фёдоров и Константин Циолковский; концепции биосферы и ноосферы Тейяра де Шардена и Владимира Вернадского, в более сциентистской версии) — располагал также, в «параллельном ряду», соответствующими очевидными «революционными» опытами искусства. Однако переход к постмодерну, как ни трактовать этот переход, обозначил совершенно иную онтическую ситуацию, в которой собственно экстенсивные опыты пространственности перестают быть онтологически релевантными по отношению к тем или иным глобальным общественным, социальным, технологическим, культурным транс-

формациям. Другими словами, происходит переход, возможно «катастрофический», к Номо Spatialis, развитие которого обусловлено и обеспечено постоянной мультипликацией именно соппространственностей различного рода,— в их рамках фиксируется и некая онтика, являющаяся теперь условной «метафизикой» (понятой в хайдеггеровской «транскрипции») при отсутствии фактически самой «физики» — тела и телесности, понятых строго в топологических контекстах. Художник и его проект, его произведение, будь то живописное полотно, видео, инсталляция, уличное граффити, виртуальный интерактив или что-то иное, оказываются в постмодерной антропологической перспективе со-в-местной и со-пространственной «картографией» мета-телесного опыта, в котором сам художник онтологически «бесприютен», однако мета-географически он плотно «укоренен» и «обустроен».

Со-бытийность искусства и телесность: ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИЕ АФФЕКТЫ

Со-бытийность искусства, понимаемая как его со-временность (что очевидно для его модернистских трактовок и интерпретаций), включает пространство и пространственность в структуры художественного воображения как заведомо «размещенные» в тех или иных когнитивных общественных «ячейках» и фреймах, обладающих различными степенями и качествами коммуникативных сред. Художественные опыты телесности, подразумеваемые подобным онтологическим подходом, фиксируют лишь топологические «раны» самого времени, бытийность которого означает только «картезианское» растяжение, протяжение подлинной имманентности художественного переживания. В этой связи трансцендентный характер любого «современного» искусства оказывается подвержен онтологически сомнительным процедурам общественной или социальной (культурной) актуализации. Не противопоставляя современное искусство актуальному, стоит указать, что искусство, работающее с соппространственностью и понимающее себя как актуализацию соппространственности, размещает телесность уже как трансцендентно пережитый и понятый акт художественной событийности, вне его временных

координат или же внешне фиксируемых хронометрических данных. Место как онтологическая имманентность отождествляется здесь с трансцендентной телесностью самого пространства.

ПОСТГОРОД И КАРТОГРАФИИ ВООБРАЖЕНИЯ: СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ КАК ИСКУССТВО

Глобализация, постмодерн и технологическая (цифровая) революция — те события, которые привели к рождению постгорода — принципиально нового типа пространств. Хотя постгородские пространства развиваются на видимой основе — образной, культурной и идеологической — классического современного города (Modernity City), их будущее связано с совершенно иными образными и идеологическими дискурсами. Распад классических городских культур представляет собой достаточно протяженную во времени эпоху; параллельно этому сложному, неоднозначному, противоречивому процессу происходит «спонтанное», практически никем не контролируемое рождение множества постгородских пространств, живущих в «своем времени» и создающих свои ментальные или образные картографии.

Нет сомнения, что цифровая (дигитальная) революция и виртуальные пространства Интернета максимально способствуют возникновению постгородских картографий воображения, хотя онтологические основания подобных картографий были заложены еще в конце XIX — начале XX в., в эпоху фундаментального взрыва классических представлений пространства и времени. Традиционные субкультуры современных больших городов, агломераций и мегаполисов — естественное поле для интенсивного развития различного рода виртуальных сообществ. Однако эти виртуальные сообщества, объединяющие людей под различными «аватарами» из разных мест, местечек, городов и городков, формируют своего рода ансамбли, комплексы, зачастую слабо связанные между собой и тем не менее формирующие невидимые постгородские картографии, в которых фактическое местоположение участника сети имеет второстепенное значение, тогда как содержание и семантическая значимость его высказываний и действий в сети определяет по сути структуры и конфигурации постгородской ткани.

Постгород — это пространства пересекающихся, взаимодействующих, налагающихся друг на друга картографий воображения, множества которых постоянно расширяются, увеличиваются, создавая тем самым всё новые и новые постгородские пространства. Происходит онтологический переворот: постгорода размещаются в виртуальных пространствах картографий воображения; эти картографии репрезентируются, так или иначе — культурно и идеологически — в видимых непосредственно, феноменологически осознаваемых пространствах человеческих поселений — традиционных городов, пригородных или же сельских местностей. Переходный характер такой экзистенциальной ситуации очевиден: происходит постепенное формирование условий для иных, пока еще не очень ясных форм пространственных организаций человеческих сообществ, других манифестаций локальных дискурсов и коммуникаций, в рамках которых воображение реальности в онтологическом плане становится реальностью воображения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андерсон 2011* — Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011.
- Беньямин 2000* — Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000.
- Беньямин 2004* — Беньямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004.
- Бодлер 1993* — Бодлер Ш. Цветы зла. М.: Высшая школа, 1993.
- Бурдые 2005* — Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
- Верхарн 2002* — Верхарн Э. Избранные стихотворения. М.: Радуга, 2002.
- Де Серто 2013* — Де Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Делез, Гваттари 2010* — Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Замятин 2011а* — Замятин Д. Геоспациализм: онтологическая динамика пространственных образов // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10, № 3. С. 21–28.
- Замятин 2011б* — Замятин Д. Н. Новые онтологии пространства: пространственность, сопостранственность и геоспациализм // Человек. 2011. № 6. С. 70–82.

- Замятин 2012* — Замятин Д. Н. Сопространственность и идентичность // Мир психологии. 2012. № 1. С. 104–123.
- Замятин 2013* — Замятин Д. Н. Гений и место: ускользящая со-в-местность // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 154–165.
- Замятин 2014* — Замятин Д. Н. Постгеография. Капитал(изм) географических образов. СПб.: Гуманитарная академия, 2014.
- Замятин, Замятина 2007* — Замятин Д. Н., Замятина Н. Ю. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 62–87.
- Зиммель 2002* — Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 23–35.
- Зитте 1993* — Зитте К. Художественные основы градостроительства. М.: Стройиздат, 1993.
- Зюскинд 2004* — Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Колхас 2013* — Колхас Р. Нью-Йорк вне себя. М.: Strelka Press, 2013.
- Колхас 2015* — Колхас Р. Мусорное пространство. М.: Арт Гид, 2015.
- Костелянец 2015* — Костелянец Р. Разговоры с Кейджем. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Кук 2002* — Кук Ф. Модерн, Постмодерн и город // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 234–252.
- Левашов 2014* — Левашов В. Лекции по истории фотографии М.: Тримедиа Контент, 2014.
- Ло 2006* — Ло Дж. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 30–42.
- Лоос 1972* — Лоос А. Орнамент и преступление // Мастера архитектуры об архитектуре. М.: Искусство, 1972.
- Маккуайр 2014* — Маккуайр С. Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014.
- Мерсье 1995* — Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М.: Прогресс-Академия, 1995.
- По 1970* — По Э. Полное собрание рассказов. М.: Наука, 1970.
- Сартр 2015* — Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2015.
- Сеннет 2002* — Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002.
- Соя 2007* — Соя Э. У. Дигитальные сообщества, Сим-сити и гиперреальность повседневной жизни // Project International. 2007. Вып. 15. С. 127–141.
- Соя 2008* — Соя Э. У. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3 (66). С. 130–140.

- Тарасов 1999 — Тарасов А. Н. Ситуационисты и город // Художественный журнал. 1999. № 24. С. 35–37.
- Урри 2012a — Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Урри 2012б — Урри Д. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высшая школа экономики, 2012.
- Фрисби 2008 — Фрисби Д. Прямые или изогнутые улицы: спорный рациональный дух современного метрополиса // Логос. 2008. № 3 (66). С. 54–80.
- Фуко 2006 — Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 191–205.
- Шорске 2001 — Шорске К. Э. Вена на рубеже веков. Санкт-Петербург: Издательство имени Н. И. Новикова, 2001.
- Эштон 2017 — Эштон Д. Нью-Йоркская школа и культура ее времени. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- Ямпольский 2000 — Ямпольский М. Б. Наблюдатель. Очерки истории видения. М.: Ad Marginem, 2000. *Amin et al.* 2000 — Amin A., Massey D., Thrift N. *Cities for All the People Not the Few*. Bristol: Policy Press, 2000.
- Amin, Thrift* 2002 — Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press, 2002.
- Augé* 1995 — Augé M. *Non-places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London; New York: Verso, 1995.
- Bridge, Watson* 2011 — Bridge G., Watson S. (eds.). *The New Blackwell Companion to the City*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011.
- Burdett, Sudjic* 2008 — Burdett R., Sudjic D. (eds.). *The Endless City*. New York; London: Phaidon, 2008.
- Cresswell* 2006 — Cresswell T. *On the Move. Mobility in the Modern Western World*. Routledge, 2006.
- Cresswell* 2010a — Cresswell T. *Mobilities I: Catching up* // *Progress in Human Geography*. 2010. No. 35 (4). P. 550–558.
- Cresswell* 2010b — Cresswell T. *Towards a politics of mobility* // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2010. No. 28 (1). P. 17–31.
- Cresswell* 2011 — Cresswell T. *Mobilities II: Still* // *Progress in Human Geography*. 2011. No. 36 (5). P. 645–653.
- Frisby* 2001 — Frisby D. *Cityscapes of Modernity. Critical Explorations*. Cambridge: Polity, 2001.
- Gregory* 1994 — Gregory D. *Geographical Imaginations*. Oxford: Blackwell Publishers, 1994.

- Harvey 1985* — Harvey D. *The Urban Experience*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1985.
- Harvey 1989* — Harvey D. *The Conditions of Postmodernity*. Cambridge (MA); Oxford (UK): Blackwell, 1989.
- Koeck, Poberts 2010* — Koeck R., Poberts L. (eds.). *The City and the Moving Image: Urban Projections*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
- Krause, Petro 2003* — Krause L., Petro P. (eds.). *Global Cities: Cinema, Architecture, and Urbanism in a Digital Age (New Directions in International Studies)*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2003.
- Lee et al. 2014* — Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S.M., Withers Ch. (eds.). *The SAGE Handbook of Human Geography*. Vol. 1–2. London: Sage, 2014.
- McDonough 2002* — McDonough T. *Guy Debord and the Situationist International: Texts and Documents. An October book*. Cambridge; London: MIT Press, 2002.
- Mumford 1970* — Mumford L. *The Culture of Cities*. San Diego: Harvest Books, 1970.
- Pile, Thrift 2000* — Pile S., Thrift N. (eds.). *City A–Z: Urban Fragments*. London: Routledge, 2000.
- Richardson 2015* — Richardson B. (ed.). *Spatiality and Symbolic Expression: On the Links between Place and Culture*. New York: Palgrave Mcmillan, 2015.
- Rugg, Martin 2012* — Rugg J., Martin C. (eds.). *Spatialities: The Geographies of Art and Architecture*. Bristol (UK); Chicago (USA): Intellect Books, 2012.
- Sandford 1995* — Sandford M.R. (ed.). *Happenings and Other Acts*. London; New York: Routledge, 1995.
- Scott, Soja 1996* — Scott A.J., Soja E.W. (eds.). *The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century*. Berkeley: University of California Press, 1996.
- Sennett 1993* — Sennett R. *The Conscience of the Eye: The design and social life of cities*. London: Faber and Faber, 1993.
- Simmel 1972* — Simmel G. *On Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
- Soja 1989* — Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso Press, 1989.
- Soja 1996* — Soja E.W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Basil Blackwell, 1996.
- Soja 2000* — Soja E.W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Basil Blackwell, 2000.
- Soja 2010* — Soja E.W. *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.

- Thrift 1996* — Thrift N. *Spatial Formations*. Thousand Oaks. CA: Sage, 1996.
- Thrift 2004* — Thrift N. *Movement-space: The changing domain of thinking resulting from the development of new kinds of spatial awareness // Economy and Society*. 2004. Vol. 33. No. 4. P. 582–604.
- Thrift 2007* — Thrift N. *Non-Representational Theory*. London: Routledge, 2007.
- Thrift et al. 2012* — Thrift N., Merriman P., Jones M., Olsson G., Sheppard E., Tuan Y., *Space and Spatiality in Theory // Dialogues in Human Geography*. 2012. No. 2 (1). P. 3–22.
- Warf, Arias 2009* — Warf B., Arias S. (eds). *The Spatial Turn: interdisciplinary perspectives*. London: Routledge, 2009.
- Webber, Wilson 2008* — Webber A., Wilson E. (eds.). *Cities in Transition: The Moving Image and the Modern Metropolis*. New York: Wallflower Press, 2008.

POST-URBANISM, CO-SPATIALITY, ART: IMAGINAL-ONTOLOGICAL TURN

D. N. Zamyatin *

Abstract: The article investigates the concepts of post-city and post-city studies in the context of imaginal-ontological turn. The basic ontological models of imagining the big city of Modern, capable of describing its radical spatial transformations, are suggested. The concept of co-spatiality, which determines the prospects of the phenomenological research of post-urban realities, is introduced. The significance of contemporary art in the formation of post-urbanism is revealed.

Keywords: post-urbanism, ontology, imagination, Modern, co-spatiality, contemporary art, urban environment, borderlinity, imaginal-ontological turn.

---

* *Zamyatin Dmitriy Nikolaevich* — Dr. habil. (Cultural Studies) Vysokovsky Graduate School of Urbanism (GSU), Learning and Research Division of the Faculty of Urban and Regional Development of the National Research University Higher School of Economics, Principal Research Fellow. 13, bld 4 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Tel.: 8–905–564–70–98, e-mail: metageogr@mail.ru.

REFERENCES

- Anderson P. *Istoki postmoderna (The Origins of Postmodernity)*. Moscow: Territoriya budushchego, 2011 (in Russian).
- Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost' (Liquid Modernity)*. Saint Petersburg: Piter, 2008 (in Russian).
- Benjamin W. *Ozareniya (Insights)*. Moscow: Martis, 2000 (in Russian).
- Benjamin W. *Maski vremeni: esse o kul'ture i literature (Mask of time: essays on culture and literature)*. Saint Petersburg: Simposium, 2004 (in Russian).
- Baudelaire Ch. *Cvety zla (The flowers of evil)*. Moscow: Vishaya shkola, 1993 (in Russian).
- Bourdieu P. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki (Social space: fields and practices)*. Saint Petersburg: Aleteya, 2005 (in Russian).
- Verhaeren E. *Izbrannye stihotvoreniya (Selected poems)*. Moscow: Raduga, 2002 (in Russian).
- Vidugiryte I. (red.). *Geterotopii: miry, granicy, povestvovanie (Heterotopias: worlds, boundaries, narrative)*. Vilnius: Vilnius University Press, 2015 (in Russian).
- de Certeau M. *Izobrenenie povsednevnosti. 1. Iskustvo delat' (The invention of everyday life. 1. The art of making)*. Saint Petersburg: European University Press, 2013 (in Russian).
- Deleuze G., Guattari P.-F. *Tsuyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya (Capitalism and schizophrenia. Book 2. A thousand plateaus)*. Ekaterinburg: U-Faktorija; Astrel', 2010 (in Russian).
- Zamyatin D. *Geospacializm: ontologicheskaya dinamika prostranstvennyh obrazov (Geospatialism: an ontological dynamics of spatial images)*. Sociologicheskoe obozrenie (Sociological review), vol. 10, no. 3, 2011, pp.21–28 (in Russian).
- Zamyatin D. *Novye ontologii prostranstva: prostranstvennost', soprostranstvennost' i geospacializm (The new ontology of space: spatiality, co-spatialities and geospatialism)*. CHelovek (The Man), no. 6, 2011, pp.70–82 (in Russian).
- Zamyatin D. *Soprostranstvennost' i identichnost' (Co-spatiality and identity)*. Mir psihologii, no. 1, 2012, pp.104–123 (in Russian).
- Zamyatin D. *Genij i mesto: uskol'zayushchaya so-v-mestnost' (Genius and place: elusive togetherness)*. Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 5, 2013, pp.154–165 (in Russian).
- Zamyatin D. *Postgeografiya. Kapital(izm) geograficheskikh obrazov (Post-geography. Capital(ism) of geographical images)*. San-Petersburg: Gumanitarnaja Akademiya, 2014 (in Russian).

- Zamyatin D., Zamyatina N. *Genij mesta i gorod: varianty vzaimodejstviya (The genius loci and the city: interaction options)*. Vestnik Evrazii, no. 1, 2007, pp.62–87 (in Russian).
- Simmel G. *Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn' (Large cities and spiritual life)*. Logos, no. 3–4 (34), 2002, pp.23–35 (in Russian).
- Sitte C. *Hudozhestvennye osnovy gradostroitel'stva (Artistic foundations of urban planning)*. Moscow: Stroiizdat, 1993 (in Russian).
- Süskind P. *Parfyumer. Istoriya odnogo ubijcy (Perfumer. The story of a murderer)*. San-Petersburg: Azbuka-Klassika, 2004 (in Russian).
- Koolhaas R. *N'yu-Jork vne sebya (Delirious New York: A Retroactive Manifesto for Manhattan)*. Moscow: Strelka Press, 2013 (in Russian).
- Koolhaas R. *Musornoe prostranstvo (Garbage space)*. Moscow: Art Gid, 2015 (in Russian).
- Kostelanetz R. *Razgovory s Kejdzhem (Conversations with John Cage)*. Moscow: Ad Marginem, 2015 (in Russian).
- Cooke P. *Modern, Postmodern i gorod (Modern, Postmodern and the city)*. Logos, no. 3–4 (34), 2002, pp.234–252 (in Russian).
- Levyashov V. *Lekcii po istorii fotografii (Lectures on the history of photography)*. Moscow: Trimedia Kontent, 2014 (in Russian).
- Law J. *Ob'ekty i prostranstva (Objects and spaces)*. Sociologicheskoe obozrenie, vol. 5, no. 1, 2006, pp.30–42 (in Russian).
- Loos A. *Ornament i prestuplenie (Ornament and crime)*. Mastera arhitektury ob arhitekture. Moscow: Iskusstvo, 1972 (in Russian).
- McQuire S. *Medijnyj gorod. Media, arhitektura i gorodskoe prostranstvo (The Media City: Media, Architecture and Urban Space)*. Moscow: Strelka Press, 2014 (in Russian).
- Mercier L.-S. *Kartiny Parizha (Paris Pictures)*. Moscow: Progress-Akademiya, 1995 (in Russian).
- Poe E. *Polnoe sobranie rasskazov (Complete collection of stories)*. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian).
- Sartre J.-P. *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii (Being and nothingness. Experience of phenomenological ontology)*. Moscow: AST, 2015 (in Russian).
- Sennett R. *Padenie publichnogo cheloveka (The Fall of Public Man)*. Moscow: Logos, 2002 (in Russian).
- Soja E. *Digital'nye soobshchestva, Sim-siti i giperreal'nost' povsednevnoj zhizni (Digital community, SIM city and the hyper-reality of everyday life)*. Project International. vol. 15, 2007, pp.127–141 (in Russian).
- Soja E. *Kak pisat' o gorode s tochki zreniya prostranstva? (How to write about the city from the point of view of space?)*. Logos, no. 3 (66). 2002, pp.130–140 (in Russian).

- Tarasov A. N. *Situacionisty i gorod (The Situationists and the city)*. Hudozhestvennyj zhurnal, no. 24, 1999, pp. 35–37 (in Russian).
- Urry J. *Mobil'nosti (Mobilities)*. Moscow: Praksis, 2012 (in Russian).
- Urry J. *Sociologiya za predelami obshchestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya (Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century)*. Moscow: Vysshaya shkola ekonomiki, 2012 (in Russian).
- Frisby D. *Pryamye ili izognutyje ulicy: spornyj racional'nyj duh sovremennogo metropolisa (Straight or curved streets: the controversial the rational spirit of the modern metropolis)*. Logos, no. 3 (66), 2002, pp. 54–80 (in Russian).
- Foucault M. *Drugie prostranstva (Other spaces)*. Foucault M. *Intellectually i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu. Ch. 3 (Foucault M. Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews. Book 3)*. Moscow: Praksis, 2006, pp. 191–205 (in Russian).
- Schorske C. E. *Vena na rubezhe vekov (Fin-de-Siecle Vienna: Politics and Culture)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo imeni N. I. Novikova, 2001 (in Russian).
- Ashton D. *N'yu-Jorskaya shkola i kul'tura eyo vremeni (The New York School. A Cultural Reckoning)*. Moscow: Ad Marginem, 2017 (in Russian).
- Yampolskii M. B. *Nablyudatel'. Ocherki istorii videniya (Observer. Essays on the history of vision)*. Moscow: Ad Marginem, 2000 (in Russian).
- Amin A., Massey D., Thrift N. *Cities for All the People Not the Few*. Bristol: Policy Press, 2000.
- Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity Press, 2002.
- Augé M. *Non-places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London; New York: Verso, 1995.
- Bridge G., Watson S. (eds.). *The New Blackwell Companion to the City*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011.
- Burdett R., Sudjic D. (eds.). *The Endless City*. New York; London: Phaidon, 2008.
- Cresswell T. *On the Move. Mobility in the Modern Western World*. Routledge, 2006.
- Cresswell T. *Mobilities I: Catching up*. Progress in Human Geography, no. 35 (4), 2010, pp. 550–558.
- Cresswell T. *Towards a politics of mobility*. Environment and Planning D: Society and Space, no. 28 (1), 2010, pp. 17–31.
- Cresswell T. *Mobilities II: Still*. Progress in Human Geography, no. 36 (5), 2011, pp. 645–653.
- Dehaene M., De Cauter L. (eds.). *Heterotopia and the City: Public Space in a Postcivil Society*. London: Routledge, 2008.
- Frisby D. *Cityscapes of Modernity. Critical Explorations*. Cambridge: Polity, 2001.
- Gregory D. *Geographical Imaginations*. Oxford: Blackwell Publishers, 1994.
- Harvey D. *The Urban Experience*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1985.

- Harvey D. *The Conditions of Postmodernity*. Cambridge (MA); Oxford (UK): Blackwell, 1989.
- Koeck R., Poberts L. (eds.). *The City and the Moving Image: Urban Projections*. New York: Palgrave Macmillan, 2010.
- Krause L., Petro P. (eds.). *Global Cities: Cinema, Architecture, and Urbanism in a Digital Age (New Directions in International Studies)*. New Brunswick: Rutgers University Press, 2003.
- Lee Ch. (ed.). *Spectral Spaces and Hauntings: The Affects of Absence*. New York; London: Routledge, 2017.
- Lee R., Castree N., Kitchin R., Lawson V., Paasi A., Philo Ch., Radcliffe S., Roberts S.M., Withers Ch. (eds.). *The SAGE Handbook of Human Geography*. Vol. 1–2. London: Sage, 2014.
- McDonough T. *Guy Debord and the Situationist International: Texts and Documents. An October book*. Cambridge; London: MIT Press, 2002.
- Mitchel P. *Cartographic Strategies of Postmodernity: The Figure of the Map in Contemporary Theory and Fiction*. New York; London: Routledge, 2012.
- Mumford L. *The Culture of Cities*. San Diego: Harvest Books, 1970.
- Pile S., Thrift N. (eds.). *City A–Z: Urban Fragments*. London: Routledge, 2000.
- Richardson B. (ed.). *Spatiality and Symbolic Expression: On the Links between Place and Culture*. New York: Palgrave Mcmillan, 2015.
- Rugg J., Martin C. (eds.). *Spatialities: The Geographies of Art and Architecture*. Bristol (UK); Chicago (USA): Intellect Books, 2012.
- Sandford M.R. (ed.). *Happenings and Other Acts*. London; New York: Routledge, 1995.
- Scott A.J., Soja E.W. (eds.). *The City: Los Angeles and Urban Theory at the End of the Twentieth Century*. Berkeley: University of California Press, 1996.
- Sennett R. *The Conscience of the Eye: The design and social life of cities*. London: Faber and Faber, 1993.
- Simmel G. *On Individuality and Social Forms*. Chicago: University of Chicago Press, 1972.
- Soja E.W. *Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social Theory*. London: Verso Press, 1989.
- Soja E.W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Basil Blackwell, 1996.
- Soja E.W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Basil Blackwell, 2000.
- Soja E.W. *Seeking Spatial Justice*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2010.
- Thrift N. *Spatial Formations*. Thousand Oaks. CA: Sage, 1996.

- Thrift N. *Movement-space: The changing domain of thinking resulting from the development of new kinds of spatial awareness*. *Economy and Society*, vol. 33, no. 4, 2004, pp. 582–604.
- Thrift N. *Non-Representational Theory*. London: Routledge, 2007.
- Thrift N., Merriman P., Jones M., Olsson G., Sheppard E., Tuan Y. *Space and Spatiality in Theory*. *Dialogues in Human Geography*, no. 2 (1), 2012, pp. 3–22.
- Trione V. *Metapolis. Metaphysics and the City*. *Metafisica*, no. 5–6, 2006, pp. 352–385.
- Warf B., Arias S. (eds). *The Spatial Turn: interdisciplinary perspectives*. London: Routledge, 2009.
- Webber A., Wilson E. (eds.). *Cities in Transition: The Moving Image and the Modern Metropolis*. New York: Wallflower Press, 2008.